УДК 811.161.1:81–373.612.2:801.631.5
DOI 10.17516/2311-3499-015

ОТРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ДЕСТРУКЦИИ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 1920-х–1950-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЗОВ ДЕНДРОНИМОВ)

М.Г. Соколова

В статье характеризуются языковые средства отражения речевой деструкции при репрезентации поэтических образов дендронимов. Выявляются ассоциативные метафорические модели, описывающие деструктивные ситуации с участием дендронимов: «клен – человек», «клен – части тела, органы, системы человека», «тополь – предмет», «тополь – животное», «тополь – взрыв», «тополь – мгла». Раскрываются символические значения дендронимов, обладающие отрицательными коннотациями. Устанавливается корреляция образных парадигм с деструктивными ситуациями художественного текста: «драка», «смерть», «бунт / смута», «война», «убийство / казнь», «последствия деструктивных воздействий», «старение / тление», «уродство», «умирание чувств, надежд». Тем самым решается проблема изучения художественной репрезентации деструктивного общения.

Ключевые слова и фразы: деструктивное общение; поэтический образ; символика растений; дендронимы.

THE REFLECTION OF SPEECH DESTRUCTION IN RUSSIAN POETRY OF THE 1920–1950-s (ON THE MATERIAL OF THE IMAGES OF THE TREE NAMES)

M.G. Sokolova

The article deals with the linguistic means of reflection of the speech destruction in the representation of poetic images of the tree names. The associative metaphorical models are revealed that describe the destructive situations involving of the tree names: «maple – man», «maple – body parts, organs, systems of man», «poplar – object», «poplar – animal», «poplar – explosion», «poplar – darkness». The author identifies the symbolic meanings of the tree names with negative connotations. Correlation of figurative paradigms with destructive situations of the literary text is established such as «fight», «death», «revolt/distemper», «war», «murder/execution», «consequences of destructive influences», «aging/putrefaction», «ugliness», «dying feelings, hopes». Thus, the problem of studying the artistic representation of destructive communication is solved.

Keywords and phrases: destructive communication; poetic image; the symbolism of plants; the tree names.

Проблема речевой деструкции в русском дискурсе XX–XXI веков разрабатывается в рамках активно развивающегося прикладного направления лингвистики – лингвоэкологии. В настоящее время в лингвоэкологическом аспекте исследованы такие стороны обозначенной проблемы, как деструктивное общение и речевая агрессия как его обязательный конститутивный признак [Волкова 2014: 11]. Среди работ, посвященных изучению деструктивного общения в различных дискурсах (межличностном, педагогическом, в сфере массовой коммуникации, художественном), следует отметить труды Ю.В. Щербининой [Щербинина 2012], В.И. Карасика [Карасик 2013], Е.П. Иванян [Иванян 2016; 2017], Н.И. Клушиной [Клушина 2014] и др. В когнитивном и лексико-семантическом аспектах данное явление исследовано в работах Я.А. Волковой [Волкова 2014], Ф.Г. Фаткуллиной [Фаткуллина 2010], Р.Р. Галиевой [Галиева 2016]. В данной статье исследование речевой деструкции на материале художественных текстов опирается на

методологию лингвопоэтики и лексической семантики. Лингвопоэтический подход к исследованию реализуется через концепцию инвариантности и парадигматичности поэтических образов, лексико-семантический подход проявляется в попытке классифицировать данные образы, объединенные семантическим признаком «разрушение», по типу отражаемой деструктивной ситуации. Вместе с тем проведенное исследование соотносится и с лингвоэкологической предметной областью – «экологией русской классической литературы как неотъемлемой части экологии русского языка и национального самосознания» [Сковородников 2016: 24].

Деструкция в самом широком смысле означает разрушительные явления действительности, с философской, этической точки зрения деструкция является «негативным проявлением человеческого духа, отрицательной энергией, направленной на живую жизнь» [Фатктуллина 2010: 58]. Применительно к языку деструкция рассматривается как концептуальное пространство, организованное по полемому принципу. Семантическим ядром понятия «деструкция» являются лексемы, содержащие признаки «разрушения», «повреждения», «разделения», «уничтожения», а также эмоциональные признаки «гнев», «злоба», «ярость», «ненависть», «презрение»; эмоционально-поведенческие признаки «мечь», «ревность», «черная зависть» [Фатктуллина 2010; Волкова 2014].

Для изучения художественной репрезентации деструктивного общения исследователи отмечают необходимость классифицировать ситуации деструктивной коммуникации по определенному семантическому признаку. Например, по признаку эмоции (эмоция ярости / презрения и т.п.), по набору эмоциональных ситуаций, представленных в ситуации агрессивного общения («оскорбление» / «обида» и пр.) [Волкова 2014: 72], по характеру деструктивного действия («убийство», «причинение вреда или ущерба», «физическое повреждение», «саморазрушение», «изменение функциональных особенностей объекта» и т.п.) [Галиева 2016: 15].

Несмотря на существование значительного количества лингвистических работ в области изучения деструктивности, данное явление в рамках поэтического текста еще не было предметом специального рассмотрения. Между тем русская лирика 1920-х–1950-х годов широко отражает деструктивные социально-политические события и катаклизмы в жизни нашей страны.

Цель настоящей статьи – выявить и охарактеризовать типы образных парадигм дендронимов в русской лирике 1920-х–1950-х годов, репрезентирующих деструктивные образы деревьев, а также установить корреляцию данных парадигм с деструктивными ситуациями художественного текста. Материал для исследования отбирался из поэтического раздела Национального корпуса русского языка [URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения – 21.02.2018)]. Объем исследуемого материала – 382 примера словоупотребления лексем *тополь* и *клен* в поэтических контекстах, относящихся к периоду 1920-х–1950-х годов. Из них обнаружены и проанализированы 17 примеров образов дендронимов, отражающих деструктивное мировидение или передающих наблюдаемые лирическим героем деструктивные события.

Как показал материал исследования, дендронимы употребляются в поэтическом тексте преимущественно в составе метафор или сравнений, поэтому образная составляющая в воплощении деструкции является доминирующей. Образы дендронимов и их значения распределяются по шести образным парадигмам: «клен – человек», «клен – части тела, органы, системы человека», «тополь – предмет», «тополь – животное», «тополь – взрыв», «тополь – мгла». Под образной парадигмой в данной работе понимаем «инвариант образов», состоящий «из двух устойчивых смыслов, связанных отношениями отождествления»: «то, что отождествляется» и «то, с чем происходит сравнение» [Павлович 2004: 14, 52]. При этом под образной парадигмой понимается как сам инвариант, так и группа сходных образов, в которых он реализуется.

Поэтический образ можно отнести к той или иной парадигме на основе единства слова-образа и общности метафорической модели [Григорьев 1990]. Содержание поэтического образа составляют значения, общие для двух сближающихся в нем понятий [Павлович 2004: 45]. Данные

значения ассоциативной природы входят в объем коннотации как составная часть [Апресян 1995]. При этом ассоциативные значения можно считать символическими при соответствии следующим критериям: смысловая насыщенность, семантическая многозначность символа; неограниченное количественно-лексемное окружение слова-символа, в котором реализуются его значения; отражение действительности как обобщение [Исакова 2011].

Сами образы дендронимов, имея символическое значение, обладают отрицательными коннотациями, вызывают отрицательные эмоции у читателя лирического текста, поскольку входят в поэтический мир, описывающий разрушение. На основе определенного признака с интегральным значением «разрушения» образные парадигмы, характеризующие дендронимы, классифицированы по типу отражаемой деструктивной ситуации:

- «война»: деревья – батальоны; клены – выстрелы;
- «бунт/смута»: клен – смутьян;
- «драка»: клен подобен пьяному, дерущемуся человеку;
- «смерть»: шум листьев – пение над могилой; тополь – скелеты чудищ;
- «убийство/казнь»: клен – позорный столб;
- «умирание чувств, надежд»: тополь – взрыв; тополь – мгла;
- «последствия деструктивных воздействий»: листья клена – кровь, тополь – рана;
- «старение/тление»: подгнивший клен – отшумевшая юность;
- «уродство»: ветви клена – горб.

Дендронимы, формирующие деструктивные образы, в синтагматическом измерении окружены лексемами с семами «разрушения, распада», которые также участвуют в отражении деструктивности.

Охарактеризуем выделенные образные парадигмы. Первая образная парадигма «клен – человек (совокупность людей)» представлена следующими поэтическими ассоциациями:

– клен – пьяный человек: *Буря воет, буря злится, / Из-за туч луна, как птица, / Проскользнуть крылом стремится, / Освещая рыхлый снег. / Страшно хочется подраться / С пьяным тополем в саду* (С.А. Есенин. Буря воет, буря злится...).

Раскачивающийся во время бури тополь сравнивается лирическим героем с пьяным, дерущимся человеком. Тополь выступает символом «хулиганства» лирического героя, его душевной деструкции, вызванной происходящими в стране разрушительными событиями.

– шум листьев – песня над могилой: *Ишь ты! – жилы рек текут. / Прорастает земля. / Да и уж надо мной поют / Могильным свистом тополя* (Г.Н. Оболдуев. Заклинание).

Шелест листьев тополей вызывает поэтическую ассоциацию с погребальным пением. В контексте воспоминаний лирического героя о прошедшей жизни, которые связаны с картинами окружающей полной жизни и силы природы, тополь становится знаком приближающихся испытаний, смерти.

– клен – смутьян: *Клены-смутьяны хрипят в облаках черного бунта, / а вещи, почуяв страх, тенями тела полосуют* (С.В. Петров. Накапливаясь по каплям, как детство...).

Автор персонифицирует, т.е. наделяет чертами живого существа, вечернюю грозу. Клены и окружающие предметы становятся ее голосом, «многоглавым вече». С позиции лирического героя все происходящее в бунтующем мире деревьев и вещей воспринимается как бестолковое, искаженное и уродливое.

– деревья – батальоны: *Там черных деревьев стоят батальоны, / Там елки как пики, как выстрелы – клены, / Их корни как шкворни, сучки как стропила, / Их ветры ласкают, им светят светила* (Н.А. Заболоцкий. Утро).

В приведенном фрагменте просматриваются военизированная и технократическая метафоры. Черные деревья ассоциируются с образом войска, четко прорисованы детали войска: ели-пики, клены-выстрелы. Корни и сучки уподобляются механизмам автомобиля и бревнам, образующим основу кровли. Однако данный образ относительно деструктивен, так как при прочтении

стихотворения появляется значение прилива творческого вдохновения, которое рождается у лирического героя от утренней прогулки на природе.

– клен подгнивший – отшумевшая юность: *Нынче – юность моя отшумела, / Как подгнивший под окнами клен, / Но припомнил я девушку в белом, / Для которой был пес почтальон* (С.А. Есенин. Сукин сын).

Образ подгнившего клена сравнивается с ушедшей юностью и реализует значения быстротечности жизни, сожаления о прошедшей юности, ощущения зрелости. В контексте темы возрастного течения человеческой жизни клен становится знаком дерева памяти, хранителя прошлого. Воспоминания лирического героя связаны с переживаниями о неразделенной любви и окрашены нежной грустью: *Но припомнил я девушку в белом, / Для которой был пес почтальон. Не у всякого есть свой близкий, / Но она мне как песня была, / Потому что мои записки / Из ошейника пса не брала.* «Горечь» любовной истории подчеркивает образ калины, символизирующий «женское начало»: *Но о чем-то подолгу мечтала / У калины за желтым прудом.* Таким образом, в данном стихотворении дендронимы клен и калина включаются также в смысловую оппозицию «мужчина – женщина».

Вторая образная парадигма «клен – части тела, органы, системы человека» включает следующий ассоциативный ряд слов-образов:

– листья клена – кровь: 1) *И вдруг над кленами, чей лист кровавит осень, / В сквозистом воздухе – резной на сваях храм* (М.В. Щербаков. Соответствие); 2) *... У жидких кленов / горлом / хлещет кровь...* (Г.С. Семенов. В дремотный лес...); 3) *Эти облитые кровью / Клены у изголовья!* (И.В. Елагин. Эти облитые кровью...); 4) *Вдруг – как опаленный, / Огненный, как вино, / Лист багрово-кровавого клена / Впархивает в окно* (Д.Л. Андреев. Холодно в замке. По переходам...).

Примеры поэтических номинаций со словом-образом «кровь» самые многочисленные и устойчивые среди приведенных образных (4 примера из 17). Нетрудно заметить, что большинство текстовых иллюстраций относится к «кровавым» 20–30-ым годам XX века и к военным 40-ым годам.

Ассоциация «листья клена – кровь» по своей сущности деструктивна, в значительной мере обусловлена экстралингвистическим фактором – тяжелыми социально-политическими событиями названных периодов.

Данная метафорическая модель основана на сходстве багряных осенних листьев клена и крови, при этом кровавый клен становится знаком осени – времени умирания природы. Помимо социальной обусловленности деструктивной коннотации образа «клен – кровь» (деструктивные внешние события влияют на восприятие окружающей природы), можно выделить другие факторы, определившие контекстуальный смысл данной ассоциации. Так, в первом фрагменте клен включается в оппозицию «клен – храм, возвышающийся над кленом» и становится знаком земного бытия, тленности. Во второй текстовой иллюстрации образ клена наполнен философским звучанием. Он символизирует дисгармонию, тление и смерть, царящие в природе, ее страдания: *такой благопристойный мир лесной / предстанет исковерканным тебе.* В третьем поэтическом фрагменте «облитый кровью клен» ассоциируется с горечью и желчью, с выгоранием души жителей пригорода: *Это художник выместил / На пятипалых листьях / Желчную горечь кисти!.* Четвертый пример представляет собой отрывок из незавершенной Д. Андреевым поэмы «Королева Кримгильда». В контексте произведения кленовый лист, внезапно впорхнувший в окно, становится зловещим знаком, предвещающим предательское убийство мужа главной героини.

– ветви клена – горб: *Над головой в горбатых ветвях клена / Запуталась луна* (И.В. Елагин. Усталый город пал в ночное лоно...). Изогнутая форма ветвей клена вызывает ассоциацию с горбом, что подчеркивает уродство природы, окружающей лирического героя, и передает его душевную деструкцию (*Усталый город пал в ночное лоно. / Душе – застенок сна*).

– тополь/клен – рана: 1) *Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре, / Там в окно твоё тополь стучится багряными листьями, / Словно хочет сказать он хозяину в хмурой / октябрьской поре, /*

Что изранила его осень холодными меткими выстрелами. / Как же сможешь ты тополю помочь? Чем залечишь ты его деревянные раны? (С.А. Есенин. Пугачев); 2) *Видишь – возник / Гибельный клен, / Раненный в бок / Солнечным копьём* (И.В. Елагин. Точно родник...).

В первом фрагменте умирание природы осенью изображается с помощью персонифицированного образа тополя, израненного меткими выстрелами осени. В дальнейшем контексте произведения израненный тополь символизирует Емельяна Пугачева – главного героя поэмы – его военные поражения и испытания. Редкие листья истрепанного осенним ветром тополя обозначают поредевшее войско, обреченное на уничтожение, как листья на падение в грязь и гниение. Во второй текстовой иллюстрации автор метафорически уподобляет солнечный луч, падающий на ствол дерева, копьё, пронзившему бок. Клен становится символом неизбежности умирания всего живого. Это значение раскрывается посредством образного параллелизма: *в смерть напрямик, / С самых пелен гонит нас Бог. / Все скоро уснем. / Видишь – возник / Гибельный клен, / Раненный в бок / Солнечным копьём.*

Третья образная парадигма «тополь – предмет» представлена следующим словом-образом – позорный столб: *Облезлый клен / Своей верхушкой черной / Гнусавит хрипло / В небо о былом. Какой он клен? / Он просто столб позорный – На нем бы вешать / Иль отдать на слом* (С.А. Есенин. Метель).

В стихотворении С.А. Есенина «Метель» зимний клен, утративший свой зеленый покров, сравнивается с орудием казни – «позорным столбом». Образ голого зимнего дерева проецируется на личную судьбу поэта и актуализирует смыслы увядания, скоротечности жизни. Данный ключевой образ приобретает в смысловой ткани произведения трагическое значение – предчувствие предстоящей гибели-уничтожения поэта: *И первого / Меня повесить нужно, / Скрестив мне руки за спиной; / Протяжный ветер рыдает, / Как будто чуя / Близость похорон.* Параллелизм двух образов отмечается и при описании действий, производимых кленом и лирическим героем: клен *гнусавит хрипло в небо о былом* и лирический герой говорит о себе: *песней / Хриплой и недужной Мешал я спать / Стране родной.* Из контекста образа *гнусавит хрипло песни о былом* следуют символические значения клена как дерева памяти, воспоминаний о прошлом, недовольства советской реальностью.

Четвертая образная парадигма «тополь – животное» представлена ассоциативным словом-образом – «скелеты допотопных животных»: *Скелеты чудищ допотопных, / Шестисотлетних тополей, / Стоят толпой скалоподобной, / Костей обветренных белей* (В.Т. Шаламов. Наверх).

В стихотворении В. Шаламова «Наверх» создается грозный образ тополей, растущих на горном кряже, через сравнение со скелетами чудищ, скалами. В данном образе на первый план выходит значение безжизненности, мертвенности окружающей природы, а сам лирический герой испытывает душевное отчуждение от развернувшегося ландшафта. Последующий контекст усиливает значение мертвенности через сравнение горного ландшафта со склепом: *А горный кряж, что под ногами, / Могильной кажется плитой. Он – вправду склеп.* В дальнейшем пейзажном описании душевный восторг у автора вызывает лишь синее небо. Такое восприятие природы обусловлено личным трагическим опытом пребывания В. Шаламова на Колыме в исправительно-трудовых лагерях, где человек полностью находился во власти природы и был обречен на гибель.

Пятая образная парадигма – «тополь – взрыв»: *Вокруг стоят, как взрывы, тополя, / И в жалком облике моем несутся / Обрывки света и теней попутных* (В.А. Луговской. Крещенский вечерок). В приведенном фрагменте образная ассоциация «тополь – взрыв» основана на сходстве денотативных признаков тополя: высота, устремленность вверх, к небу. Данная ассоциация соотносится с душевным состоянием лирического героя, переживающим потрясение от расставания с возлюбленной: *И в жалком облике моем несутся / Обрывки света и теней попутных.* В этом контексте тополь становится символом разлуки, разрушенного чувства.

Шестая образная парадигма – «тополь – мгла»: *Надо мною / Черных тополей иуршала мгла, / Шелестела сумрачной листвою, / Крыльями взлетевшего орла* (Б.К. Лившиц. Мэри). В стихотворении, представляющем собой перевод произведения Галактиона Табидзе «Мэри», мрачный образ тополей и окружающей природы оказывается созвучным состоянию лирического героя, ставшего свидетелем венчания его возлюбленной с другим и переживавшего любовную драму: *Торопливо вышел я из храма, / Но куда? Отяжелел мой взор. / Ветер выл на улице упрямо, / Злобный дождь хлестал меня в упор*. Шелест черных тополей, напоминающий взмах орлиных крыльев, актуализирует значение отшумевших чувств, утраченных любовных мечтаний и надежд.

Таким образом, деструктивный образ дендронимов в русской лирике 1920-х–1950-х годов представлен большим количеством образных парадигм: деревья уподобляются пьяному человеку, смутьяну, батальону, лирическому герою в драматические моменты жизни; денотативные признаки деревьев сравниваются с кровью, горбом, раной, скелетами, позорным столбом – средством казни, пиками, взрывом, выстрелом. Проведенное исследование показывает, что наиболее частотны метафорические модели, связанные с персонификацией деревьев, т. е. наделением их признаками живого существа.

Вместе с тем деструктивный образ дендронимов оказывается семантически емким, актуализирующим многочисленные отрицательные коннотации. Так, клен может символизировать «хулиганство» лирического героя, вызванное недовольством новой советской реальностью. Образы осенних деревьев становятся знаком осени – неизбежности умирания всего живого. В этом контексте они выражают значения «быстротечности жизни, сожаления о прошедшей юности, ощущение зрелости», а также предчувствие предстоящей гибели-уничтожения поэта, трагических событий. В произведениях любовной тематики образы дендронимов связаны с воспоминаниями о возлюбленной и актуализируют значения отшумевших чувств, утраченных любовных мечтаний и надежд.

Поэтический образ деревьев может вызывать душевное отчуждение у лирического героя и читателя, быть дисгармоничным. При этом на первый план выходят значения безжизненности, мертвенности, уродства окружающей природы. Дерево как знак земного бытия в поэтическом контексте может противопоставляться храму, небесам. В этой оппозиции реализуются значения тления и смерти, царящие в природе, ее страдания.

Образные парадигмы, характеризующие деструктивные образы деревьев, отражают многочисленный ряд деструктивных ситуаций: «драка», «смерть», «бунт / смута», «война», «убийство / казнь», «последствия деструктивных воздействий», «старение / тление», «уродство», «умирание чувств, надежд».

Обобщая сказанное, можно констатировать, что отражение речевой деструкции происходит посредством различных языковых средств: ассоциативных метафорических моделей, описывающих деструктивные ситуации с участием дендронимов; символических значений дендронимов, обладающих отрицательными коннотациями и вызывающих соответствующие эмоции у читателя лирического текста; синтагматического окружения дендронимов лексемами с семами «разрушения, распада».

Деструктивные образы деревьев и их контекстуальные значения не только отражают душевное настроение лирического героя, связанное с любовными переживаниями, жизненными испытаниями, но и обусловлены деструктивными общественно-политическими событиями в стране в период 1920-х–1950-х годов (гражданской войной, военными 40-ми годами, репрессиями и ссылками в исправительно-трудовые лагеря).

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т.1. 472 с. Т. 2. 757 с.

Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 45 с.

Галиева Р.Р. Семантико-когнитивный анализ деструктивных глаголов в современном русском языке (на материале произведений русской литературы конца XX – начала XXI в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 25 с.

Иванян Е.П. Лингвоэкология педагогической речи [Электронный ресурс] // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. № 11–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoekologiya-pedagogicheskoy-rechi> (дата обращения: 21.02.2018).

Иванян Е. П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.) / ред. кол.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.), М.В. Головня (зам. отв. ред.), П.А. Лекант и др. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 331–333.

Исакова А.А. Состав, структура и функции лексико-семантической группы «Дендронимы» в художественном тексте начала XX века (на материале поэзии Серебряного века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 22 с.

Карасик В.И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 449 с.

Клушина Н.И. Этические аспекты массовой коммуникации [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2014. № 1. С. 59–66 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-massovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 21.02.2018).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.02.2018).

Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П. Григорьев, И.И. Ковтунова, О.Г. Ревзина и др. / Под ред. В.П. Григорьева. М.: Наука, 1990. 304 с.

Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Азбуковник», 2004. 527 с.

Сковородников А.П. Экология русского языка: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2010. № 3. С.57–66.

Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 224 с. URL: <https://e.lanbook.com/reader/book/1429/#2> (дата обращения: 21.02.2018).

References

Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: v 2-kh t. [Selected works: in 2 vol.]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury» Publ., 1995. Vol.1. 472 p. Vol. 2. 757 p.

Volkova Ya.A. Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte [Destructive communication in a cognitive-discursive aspect]. Philology Dr. Diss. Volgograd, 2014, 45 p.

Galieva R.R. Semantiko-kognitivnyy analiz destruktivnykh glagolov v sovremennom russkom yazyke (na materiale proizvedeniy russkoy literatury kontsa XX – nachala XXI v.) [Semantic-cognitive

analysis of destructive verbs in the modern Russian language (based on the works of Russian literature of the late XX – early XXI century)]. Abstract of Philologe Cand. Ufa, 2016, 25 p.

Ivanyan E.P. Lingvoekologiya pedagogicheskoy rechi [Linguoecology of pedagogical speech]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 2016, no 11–12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoekologiya-pedagogicheskoy-rechi> (accessed 21.02.2018).

Ivanyan E.P. Metaforiy pedagogicheskoy rechi: lingvoekologicheskiy aspekt [Metaphors of pedagogical speech: linguoecological aspect]. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, Pochetnogo professora Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, doktora filologicheskikh nauk, professora Pavla Aleksandrovicha Lekanta* [Rational and emotional in Russian language: proceedings of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of Honored scientist of Russian Federation, honored Professor of the Moscow state regional University, doctor of philological Sciences, Professor Paul Alexandrovich Lecant (Moscow, 24–25 November 2017), editorial board: N.B. Samsonov (executive editor), M.V. Golovnya (assistant executive editor), P.A. Lekant et al.] (g. Moscow, 24–25 November 2017 g.) / red. kol.: N.B. Samsonov (otv. red.), M.V. Golovnya (zam. otv. red.), P.A. Lekant i dr., Moscow, IJU MGOU Publ., 2017, p. 331–333.

Isakova A.A. Sostav, struktura i funktsii leksiko-semanticheskoy gruppy «Dendronimy» v khudozhestvennom tekste nachala XX veka (na materiale poezii Serebryanogo veka) [Composition, structure and function of the lexico-semantic group "Dendronimi" in fiction of the early XX century (on the material of poetry of the Silver age)]. Abstract of Philologe Cand. Kursk, 2011, 22 p.

Karasik V.I. Tsennostnye parametry lingvoekologicheskogo obshcheniya [Value parameters of linguoecological communication]. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve. Monografiya* [Emotive linguoecology in the modern communicative space. Monograph], Volgograd, Izd-vo VGSPU «PEREMENA» Publ., 2013, 449 p.

Klushina N.I. Eticheskie aspekty massovoy kommunikatsii [Ethical aspects of mass communication]. *Vestnik RUDN*, 2014, no 1, Ser. Linguistics, p. 59–66. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-massovoy-kommunikatsii> (accessed: 21.02.2018).

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 21.02.2018).

Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Poeticheskiy yazyk i idiostil: Obshchie voprosy. Zvukovaya organizatsiya teksta [Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Poetic language and idiostyle: General questions. Sound organization of the text]. V.P. Grigor'ev, I.I. Kovtunova, O.G. Revzina i dr. Under the editorship V.P. Grigoreva, Moscow, Nauka Publ., 1990, 304 p.

Pavlovich N.V. Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke [Language of images. Paradigm images in Russian poetry of the language]. 2-e izd-ye pererab. i dop., Moscow, «Azbukovnik» Publ., 2004, 527 p.

Skovorodnikov A.P. Ekologiya russkogo yazyka: monografiya [Ecology of the Russian language: monograph]. Krasnoyarsk, Sib. fed. un-t Publ., 216, 388 p.

Fatkullina F.G. Kontsept «destruktsiya» i sposoby ego predstavleniya v russkom yazyke [The concept of «destruction» and ways of its presentation in Russian]. *Vestnik RUDN. Ser. Russian and foreign languages and methods of their teaching*, 2010, no 3, p.57–66.

Shcherbinina Yu.V. Russkiy yazyk: Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya: uchebnoe posobie [Russian language: Verbal aggression and ways of its overcoming: study guide]. 2-e izd-ye, ster. Moscow, Flinta Publ., 2012, 224 p. Available at: <https://e.lanbook.com/reader/book/1429/#2> (accessed: 21.02.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Соколова Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики.

Тольяттинский государственный университет.

Россия, 445667, Тольятти, ул. Белорусская, 16 «В»

E-mail: msok71@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sokolova Marina Gennadyevna, PhD in Education, associate professor, senior lecturer of the Department «Russian language, literature and linguistic criminalistics».

Tolyatti State University.

Belorusskaya St., 16 B, Tolyatti 445667 Russia

E-mail: msok71@mail.ru